

Российский патриотизм и российский антипатриотизм

Автор: В. Ф. ШАПОВАЛОВ

Патриотическая мировоззренческая позиция достаточно ярко и отчетливо представлена как в отечественной общественной мысли, так и в массовом сознании. Вместе с тем российский патриотизм выражен посредством целого ряда разновидностей. Их можно усмотреть в позициях выдающихся мыслителей России по этому вопросу. Разнообразие взглядов объясняется тем, что, несмотря на внешнюю простоту, понятие патриотизма в действительности очень сложное. Кроме того, само по себе чувство патриотизма испытывает воздействие самых разнообразных факторов общественного развития.

Характерным для России приходится считать и постоянное наличие антипатриотических настроений. Более того, российский антипатриотизм следует рассматривать как социально значимое явление. Как правило, он выходит на поверхность общественной жизни в переломные периоды истории и оказывает существенное влияние на историческую судьбу России. По этой причине явление антипатриотизма заслуживает серьезного теоретического изучения. Однако начну с понятия патриотизма.

Патриотизм есть любовь к своей стране, чувство органической принадлежности к ней, взаимное чувство сопринадлежности к соответствующей общности, возникающее и существующее между людьми своей страны. Патриотизм - это, в частности, любовь к природе страны и другим ее особенностям, но гораздо более важно *отношение* к человеку, выражающееся в заботе о сохранении его жизни и здоровья, личного достоинства, в стремлении обеспечить условия для благополучия и процветания.

Патриотизм оправдан прежде всего тем, что жизнь отдельного человека протекает в рамках специфических условий определенной страны, определенного государства. Это государство призвано обеспечить достойное существование своим гражданам. При этом органы государственной власти неизбежно должны руководствоваться соображениями национальной безопасности и защиты национальных интересов (то есть совокупных интересов всех граждан государства) на международной арене. Но из последнего прямо вытекает заинтересованность граждан в укреплении государства, в прочности его положения в составе мирового сообщества, в росте всемирного авторитета и уважения к нему со стороны правительств и народов других стран. Как показал исторический опыт, надежды на "отмирание" государства несостоятельны. Напротив, современная цивилизация идет по линии укрепления государства, в том числе по линии увеличения роли государства в международных делах. Неправительственные, негосударственные организации не способны вытеснить государство из международных отношений прежде всего потому, что только органы государственной власти в состоянии обеспечить национальную безопасность и защиту национальных интересов. Более того, это и есть один из важнейших аспектов самого смысла их существования и предназначения.

Ш а п о в а л о в Виктор Федорович - доктор философских наук, профессор философского факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Патриотизм определяется и тем, что развитие все более широких и тесных контактов между народами, расширение и укрепление международного сотрудничества не ведут к уничтожению различий народов, стран и континентов. На этот аспект патриотизма обратил, например, особое внимание великий русский ученый Д. Менделеев: "Любовь к Отечеству или патриотизм, как вероятно неизвестно читателям, некоторые из современных учений крайних индивидуалистов уже стремятся представить в худом виде, говоря, что ее пора заменить совокупностью общей любви к человечеству... Ложность такого учения становится, на мой взгляд, ясна не столько со стороны одних важнейших исторических услуг скопления народов в крупные государственные единицы, вызывающее самое возникновение патриотизма, сколько со стороны того, что ни в коем будущем нельзя представить слияние материков и стран, уничтожение различий по расам, языку, верованиям, правлениям и убеждениям, а различия всякого рода составляют главную причину соровнования и прогресса... Любовь к Отечеству составляет одно из возвышеннейших отличий развитого общежитного состояния людей от их первоначального, дикого или полуживотного состояния" [Менделеев, 1907, с. 111 - 112].

Патриотизм оправдан также тем, что для человека естественна особая душевная привязанность к родным местам, где прошло его детство, где жили и трудились его родители и предки, та относительно ограниченная территория огромного земного шара, с которой связаны существенные события индивидуальной человеческой судьбы. Именно на этой территории человек чувствует себя наиболее непринужденно, здесь ему все наиболее понятно и близко. Как отмечено выше, патриотизм включает в себя и любовь к природе своей страны, но еще более важно ощущение родного *духа* страны, ее особой атмосферы, которая связана и с особенностями природы, и с особенностями народного характера и культуры. "Над Канадой небо синее, / Меж берез дожди косые, / Хоть похоже на Россию, / Только все же не Россия", - поется в одной из известных бардовских песен. Любовь к родине поэтически выражена, например, в знаменитой строфе С. Есенина:

Если крикнет рать святая:
"Кинь ты Русь, живи в раю!"
Я скажу: "Не надо рая,
Дайте родину мою" [Есенин, 1971, с. 83].

Понятие патриотизма выдвигает целый ряд проблем теоретического, мировоззренческого и практического характера. Одна из них - тождество и различие между любовью к своей стране и характером отношения к другим странам.

"Мы должны любить все народности, как свою собственную, - утверждал Вл. Соловьев. - Эту заповедь утверждает патриотизм как естественное и основное чувство, как прямая обязанность лица к своему ближайшему собирательному целому, и в то же время это чувство освобождается от зоологических свойств народного эгоизма и национализма..." Согласно Соловьеву, "...я должен так же хотеть истинного блага всем другим народам, как своему собственному" [Соловьев, 1988, с. 378]. Для этого прежде всего необходимо стремиться психологически глубоко понять другие народы, их дух и национальный характер.

Этот взгляд Соловьева был впоследствии оспорен целым рядом отечественных мыслителей. Например, С. Булгаков, в частности, писал: "Вл. Соловьев, развивая идею "национального альтруизма", выставил совершенно фальшивую и утопическую максиму: люби чужие национальности, как свою собственную. Это подобно тому, как если бы сказать: надо любить чужих жен и чужих детей, чужих друзей, как своих собственных. Эта идея неверна онтологически, ибо существуют такие отношения, которых сама их природа состоит в их исключительности". С точки зрения Булгакова, любовь к родине "не должна быть самоутверждающейся в ограниченности своей, которая оборачивалась бы враждой или презрительностью к другим народам, но она не может не быть исключительной" [Булгаков, 1993, с. 647 - 648].

Взгляды Ф. Достоевского на историческое предназначение и судьбу России принято характеризовать как почвеннические. Почвенничество (от слова "почва") - воззрение, отдающее приоритет всему своему, родному, отечественному над всем заимствованным и привнесённым из других стран. Почва вместе с тем противопоставлена понятию крови, то есть кровнородственным связям. Поэтому сторонники почвенничества под "своим", "родным", "отечественным" понимают то, что создано и произошло на территории данной страны, вне зависимости от того, представителями какой крови, какого этноса оно создано и возвращено.

Вершиной развития мыслей Достоевского о России явилась его знаменитая "Пушкинская речь", произнесенная на празднике по случаю освящения памятника Пушкину в Москве 8 июня 1880 г. Центральным тезисом этой речи стала идея о "всемирной отзывчивости" русской души, о "всечеловечности" русского национального идеала. Достоевский настаивал на том, что русскому духу присущ особый дар "перевоплощения" в дух других народов и культур. Поэтому "стать настоящим русским, может быть и значит только... стать братом всех людей, всечеловеком". Именно с "всемирной отзывчивостью", "всечеловечностью" и даром "перевоплощения", возникшими, по Достоевскому, на основе православной культуры, и связывал писатель историческое призвание России. Оно состоит в том, чтобы "внести примирение в европейские противоречия... указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечеловечной и всеобъединяющей, вместить в нее с братскою любовью всех наших братьев..." Достоевский полагал, что у России есть свой особый исторический путь, своя историческая миссия, отличные от исторического пути и миссии Запада. Он связывал историю и будущее России с православием, с развитием православной культуры. Именно православие взрастило "всемирную отзывчивость" русской души. И именно оно предопределяет будущее России (цит. по [Пушкин, 1972 - 1990, т. 27, с. 5 - 25]).

Относительно самого факта патриотизма Достоевского не может, разумеется, возникнуть никаких сомнений. Однако теоретические взгляды великого русского мыслителя на смысл и предназначение России такие сомнения вызывают. Согласно В. Зеньковскому, идеи Достоевского в области социологии России принадлежат к числу наиболее слабых мест его воззрений. Зеньковский отмечал, что, насколько силен Достоевский в большинстве тем своего творчества, "настолько же расплывчаты его указания на положительные пути "православной культуры"" [Зеньковский, 1991, с. 243].

И. Ильин отмечал, что Достоевский свел своеобразие России и русского характера к миссии благородной, но такой, которую следует считать служебно-посреднической. Очевидно, чтобы по-братски относиться к другим, необходимо сначала самому быть кем-то, - не говоря уже о том, что неплохо бы задуматься и над вопросом, насколько другие нуждаются в твоём братском сочувствии. "Тот, кто хочет быть "братом" других народов, - писал в этой связи Ильин, - должен *сам* сначала *стать и быть*, - творчески, самобытно, самостоятельно... растить свой дух, крепить и воспитывать инстинкт своего национального самосохранения, по-своему трудиться, строить, властвовать и молиться. Настоящий русский есть прежде всего *русский* и лишь в меру своей содержательной, качественной, субстанциональной русскости он может оказаться и "сверхнационально" и "братски" настроенным "всечеловеком"... *Национально безликий "всечеловек" и "всенарод" не может ничего сказать другим людям и народам*" [Ильин, 1990, с. 334].

Помня изречение Ап. Григорьева о том, что "Пушкин - это наше все", давно ставшее аксиомой для всех, кто знаком хотя бы с азами русской культуры и кому она дорога, обратимся к размышлениям и взглядам великого поэта и мыслителя на тему о патриотизме. Широко известны пушкинские строки:

Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, Отчизне посвятим
Души прекрасные порывы! [Пушкин, 1959 - 1962, т. 1, с. 65].

Однако Пушкин не ограничился только поэтическими призывами. Он серьезно и основательно размышлял на тему о патриотизме, не раз резко осуждая проявления антипатриотизма в близкой ему дворянской среде. Важнейшей чертой пушкинского мировоззрения следует считать его вдумчивое, уважительное отношение к прошлому, прежде всего к прошлому России. Глубокий интерес к истории России особенно возрастает после 1827 г., то есть в зрелый период, когда окончательно складываются либерально-консервативные убеждения поэта. О пушкинском отношении к прошлому России свидетельствует письмо к П. Чаадаеву, написанное в ответ на знаменитое первое из "Философических писем".

Замечу, что Чаадаева, несомненно, следует отнести к числу выдающихся русских философов, и его взгляд на российскую историю не сводится к тому, что было высказано в первом письме. Тем не менее факт едва ли не тотальной отрицательной оценки Чаадаевым прошлого России, данной в первом "Философическом письме", сомнению не подлежит. Она не могла пройти мимо внимания Пушкина, тем более, что философ принадлежал к числу давних и близких друзей поэта.

Содержание чаадаевского письма стало известно Пушкину еще до публикации его в 1836 г. в журнале "Телескоп". Пушкин подготовил ответ, но не отправил его адресату, узнав о последовавших в отношении Чаадаева репрессиях и, видимо, не желая усугублять и без того тяжелое положение философа. Содержание пушкинского письма стало известно только после смерти поэта.

Возражения Пушкина против высказанной Чаадаевым отрицательной оценки прошлого России можно свести к двум основным подходам: *фактическому и ценностному*. Прежде всего Пушкин не согласен с философом с точки зрения фактической. "Что же касается нашей исторической ничтожности, - писал поэт, - то я решительно не могу с вами согласиться... Войны Олега и Святослава и даже удельные усобицы - разве это не та жизнь, полная кипучего брожения и пылкой и бесцельной деятельности, которой отличается юность всех народов? Татарское нашествие - печальное и великое зрелище. Пробуждение России, развитие ее могущества, ее движение к единству... оба Ивана, величественная драма, начавшаяся в Угличе и закончившаяся в Ипатьевском монастыре, - как, неужели это не история, а бледный полузабытый сон! А Петр Великий, который один есть целая всемирная история? А Екатерина Вторая, которая поставила Россию на пороге Европы? А Александр, который привел Вас в Париж?..." [Пушкин, 1992, с. 51].

Не соглашаясь с Чаадаевым с точки зрения фактической, Пушкин, однако, не ограничивается ею. Он выдвигает аргумент, основывающийся на подходе, который правомерно охарактеризовать как ценностный. Об этом говорят следующие его слова: "Клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков, какой нам Бог ее дал" [Пушкин, 1992, с. 51]. Из этих слов можно заключить, что Пушкин исходит из того, что, с одной стороны, в прошлом ничего не изменишь, оно таково, каким состоялось ("каким его Бог дал"). Поэтому сожаления по поводу прошедшей истории лишь неизбежно порождают чувство неудовлетворенности и не ведут ни к чему позитивному. Деяния предков могут быть поверены и оценены в полном объеме только нашими собственными деяниями. Право судить прошлое есть то, что следует заслужить. С другой стороны, мы обязаны прошлому уже самим фактом нашего существования. Следовательно, в истории всегда можно найти то, на что можно опереться, то, что станет источником духовного опыта для современности. Наше отношение к истории характеризует не столько прошлое, сколько нас самих, поскольку история - не линия, ведущая по прямой из прошлого через настоящее в будущее, а неисчерпаемый, не поддающийся окончательному обозрению кладезь духовного опыта. Из него современность отбирает то, что ей по силам, соответствует нравственной направленности и мере культурно-творческого потенциала. Поэтому, в небольшой мере заостряя пушкинскую мысль, можно с уверенностью утверждать, что, согласно поэту, вполне оправданное стремление превзойти прошлое осуществимо лишь при условии, если не утрачивается наша связь с ним.

Ярко выраженный патриотизм - важнейшая черта пушкинского мировоззрения, как в целом, так и в политической его части. Пушкинский патриотизм сложился, конечно, в юности, под влиянием войны 1812 г. и вызванного ею всеобщего патриотического подъема. Однако особенно примечательно то, что Пушкин сохранял патриотическую настроенность на протяжении всей жизни, причем в последний период это чувство не только не иссякло, но возросло и укрепилось. Это следует подчеркнуть, в частности, в связи с тем, что мировоззрение немалого числа друзей его молодости претерпело метаморфозу.

Под влиянием очевидных недостатков российской жизни и под воздействием расхожего понимания либерализма, которое приобрело популярность в дворянской среде, часть прогрессивных деятелей того периода (среди которых были и близкие знакомые Пушкина) утратили остроту патриотического чувства. Патриотизм стал восприниматься как нечто немодное, несовременное, устаревшее. Воззрения Пушкина резко противостояли подобным взглядам. Более того, он сумел увидеть то, что нередко скрывалось за либеральной фразой, а именно - нелюбовь приверженцев поверхностного либерализма к России. Пушкин с возмущением писал о тех деятелях, которые, фрондируя своими либеральными воззрениями, в действительности "стоят в оппозиции не к правительству, а к России". О том, что любовь к России была для поэта одной из наиболее значительных ценностей, свидетельствует, например, тот факт, что Пушкин не остановился перед тем, чтобы с упреком отнести своего друга князя Вяземского к "озлобленным людям, не любящим Россию". Впрочем, князь не принадлежал к числу радикальных либералов, поэтому применительно к нему слова Пушкина были явным преувеличением (цит. по [Франк, 1990, с. 409 - 410]). Тем не менее сам факт их появления нельзя не считать показательным.

О многом говорит и отношение Пушкина к польскому восстанию 1831 г. Признавая с принципиальной точки зрения право польского народа самостоятельно решать свою судьбу, Пушкин, однако, не считал возможным на этом основании жертвовать патриотическими убеждениями. Его особенно возмущали проявления восторга со стороны некоторых русских по поводу неудач российских войск, посланных на подавление восстания. "Грустно было слышать толки московского общества во время последнего польского восстания, - писал поэт. - Гадко было видеть бездушных читателей французских газет, улыбающихся при вести о наших неудачах" (цит. по [Франк, 1990, с. 410]). Именно к этому периоду относится стихотворение "Клеветникам России". В нем поэт резко выступает не только против западной прессы, воспользовавшейся удобным поводом, чтобы обрушить на Россию все мыслимые и немыслимые обвинения, но и против тех представителей российского общества, которые, в силу своего по-детски наивного и неосмысленного космополитизма, с удовольствием примыкали к подобным обвинениям. В отличие от последних, зрелый Пушкин отчетливо понимал, что благие и внешне невинные либеральные фразы могут использоваться недругами России в целях ее разрушения, и ни о каком космополитизме не может идти речи в международных отношениях, где непрерывно происходит ожесточенная борьба разноречивых национальных интересов.

Таким образом, патриотизм Пушкина связан с особой заботой о прочности российского государства. Эта забота выражается как в аспекте международном, так и во внутреннем. Пушкин допускает любые преобразования внутри страны, но при одном важнейшем условии, - чтобы они не ставили под угрозу прочность и само существование российского государства. Именно этим, в частности, объясняется его установка, которую можно характеризовать как "прогресс без хирургического вмешательства". В аспекте международном действует аналогичный принцип: любые изменения могут быть приняты, но при том же условии - обеспечении прочности и устойчивости российского государства.

Ярко выраженная установка на обеспечение прочности и сохранности государства отчетливо выделяет Пушкина из среды независимых и оппозиционных русских мыслителей XIX в. (к которым, разумеется, следует относить поэта). В подавляющем боль-

шинстве случаев российские оппозиционеры проявляли поразительное легкомыслие в вопросе о прочности государственных устоев, полагая ее как нечто само собой разумеющееся, не требующее особой заботы и попечения. Настаивая на радикальных реформах или революции, они совершенно упускали из виду то обстоятельство, что любое преобразование общества сохраняет позитивный смысл до той поры и в тех пределах, пока не подвергает обвалному разрушению сами основы государственности. Игнорирование этого обстоятельства следует отнести к проявлениям инфантилизма и незрелости, - если, конечно, исключить случаи намеренного (под предлогом необходимости перемен) разрушения государства, чтобы в образовавшемся хаосе и неизбежной неразберихе "ловить рыбку в мутной воде".

Пушкинский патриотизм имеет еще один аспект, о котором невозможно не упомянуть. Он оказывается тесно связанным с глубоким пониманием значения для жизни всякого человека почтительного отношения к предкам, к домашнему очагу, семейным традициям, к "пенатам". Тесная связь патриотизма и семьи в ее широком понимании - как непрерывности ряда поколений - органична для пушкинского мировоззрения:

Два чувства дивно близки нам -
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
На них основано от века
Самостоянье человека,
Залог величия его...
Животворящая святыня!
Земля была без них мертва,
Без них наш тесный мир - пустыня,
Душа - алтарь без божества [Пушкин, 1959 - 1962, т. 2, с. 596].

Таким образом, уважение к предкам, любовь к семье и патриотизм для Пушкина неразделимы.

Вытравить патриотическую идею из сознания людей, полностью заменив ее классовой, - такую задачу ставили большевики в первый период своего правления с 1917 приблизительно по 1935 - 1937 гг. Антипатриотическая установка была непосредственным продолжением линии большевиков дооктябрьского периода и наиболее ярко выразилась в ленинском лозунге поражения своего отечества в Первой мировой войне. Это была единственная партия не только в России, но и в Европе (за исключением отдельных социал-демократических групп в Германии), выдвинувшая идею пораженчества. Именно поэтому германским командованием и была оказана существенная помощь в переброске в 1917 г. большой группы большевиков из Швейцарии в Россию, а также отпущены значительные средства на революционную пропаганду, направленную на разложение армии и ослабление России. Помимо знаменитого вагона, в котором были переправлены В. Ленин и его непосредственное окружение, Германия способствовала направлению в Россию еще около четырехсот большевиков-эмигрантов.

Установка на "мировую революцию", основанная на сугубо классовом, антипатриотическом подходе, оставалась официальной партийной установкой вплоть до середины 1930-х гг. Исходя из нее трактовались важнейшие факты истории России; по сути вся дооктябрьская история грубо искажалась, фальсифицировалась и очернялась. Так, в первом издании Малой советской энциклопедии с сугубо классовых и тенденциозных позиций освещалась деятельность выдающихся патриотов России, выпячивались и преувеличивались их отрицательные черты, замалчивался их вклад в становление и развитие российской государственности. Об Александре Невском говорилось: "...оказал ценные услуги новгородскому торговому капиталу (слово "капитал" в условиях 1920-х - начала 1930-х гг. ассоциировалось со всем темным, злым, "плохим". - В. Ш.)... подавлял волнения русского населения, протестовавшего против тяжелой дани татарам. "Мирная" политика А. была оценена ладившей с ханом русской церковью: после смерти А. она объявила его святым" [Малая... 1929, т. 1, с. 216]. Козьма Минин характеризовался в

энциклопедии так: "Минин-Сухорук... нижегородский купец, один из вождей городской торговой буржуазии... Буржуазная историография идеализировала М.-С. как бесклассового борца за единую "матушку Россию" и пыталась сделать из него национального героя" [Малая... 1929 - 1931, т. 5, с. 229]. Его сподвижник, князь Дмитрий Пожарский: "П... князь, ставший во главе ополчения, организованного мясником Мининым-Сухоруким на деньги богатого купечества. Это ополчение покончило с крестьянской революцией" [Малая... 1929 - 1931, т. 6, с. 651]. О Петре Первом авторы энциклопедии писали: "П. I... был ярким представителем российского первоначального накопления. Соединял огромную волю с крайней психической неуравновешенностью, жестокостью, запойным пьянством и безудержным развратом" [Малая... 1929 - 1931, т. 6, с. 447].

Только во второй половине 1930-х гг. советская партийно-государственная идеология перешла на патриотические позиции. Со стороны высшего руководства, прежде всего Сталина, это был, скорее всего, вынужденный шаг, обусловленный потребностями приближающейся Второй мировой войны. Тем не менее с этого времени в идеологии патриотический элемент стал присутствовать постоянно. Например, кинофильмы (все они выходили на экран только с личного одобрения Сталина) "Петр Первый" (1937), "Александр Невский" (1938), "Минин и Пожарский" (1939), "Суворов" (1940) - кинопоэмы, в художественной форме (правда, в достаточно примитивной, что вполне объяснимо условиями времени) раскрывшие выдающуюся роль этих людей в истории России. Такого рода произведения воспитывали гордость за свою страну, за ее прошлое, способствовали формированию патриотического чувства.

Таким образом, в российской истории, наряду с яркими патриотическими проявлениями, обнаруживаются и опасные черты антипатриотизма. Как было отмечено выше, антипатриотизм явственно заявил о себе в период, примыкающий к 1917 г. Едва ли не менее отчетливо он, к сожалению, проявился и в годы, примыкающие к 1991-му, когда немалая часть российских средств массовой информации была активно занята целенаправленной дискредитацией патриотизма. "Демократический" антипатриотизм продемонстрировал внутреннюю связь антипатриотического настроения с ощущением собственной неспособности обдуманно и планомерно решать стоящие перед страной проблемы в интересах ее граждан, болезненно-неврастеническим восприятием российских недостатков (а их немало, впрочем, как и в других странах). Неврастеничность антипатриотического настроения порождает в теории тенденцию отказывать России в праве быть полноценной цивилизацией в составе мирового сообщества, стремление теоретически обосновать радикальную и стремительную переделку фундаментальных оснований российского общества. На практике это выражается в исчерпывающем переводе понятия патриотизма из нравственно-гуманитарной сферы в сферу политическую, в превращении патриотизма в разменную карту политической борьбы.

Вообще говоря, перевод вопроса о патриотизме из нравственно-гуманитарной в плоскость политическую чреват расколом общества, обострением конфронтации. При этом понятие патриотизма неизбежно отдается на откуп самым крайним, экстремистским политическим силам. Последние приобретают шанс повысить свою популярность, беззастенчиво спекулируя на понятии патриотизма, остающемся святым для большинства граждан.

В период 1991 - 1998 гг. политиками и журналистами "демократического" направления (или теми, кто демократической вывеской прикрывал свои узкокорыстные, эгоистические устремления) нередко цитировались слова, приписываемые то Л. Толстому, то Б. Шоу: "Патриотизм - последнее прибежище негодяев". В действительности это изречение принадлежит английскому литератору XVIII в. С. Джонсону [Сборник... 1967, с. 126]. Смысл его в том, что негодяям свойственно маскировать свои намерения самыми святыми в глазах большинства людей духовными ценностями. К числу таких ценностей относится и патриотизм, в глазах автора изречения - ценность самая святая, высшая. Именно поэтому он и оказывается "последним" прибежищем. Сам Джонсон был членом консервативной партии (партии тори), горячим патриотом Великобритании.

Особую позицию в рассматриваемом вопросе занимал Толстой, чьи теоретические взгляды на патриотизм (как и на многие другие вопросы) отличались своеобразием. Действительно, в его публицистических статьях встречаются выражения: "патриотизм есть рабство", "злодейства всегда вытекают из патриотизма", войны порождаются "желанием исключительного блага своему народу", а потому "для того, чтобы уничтожить войну, надо уничтожить патриотизм". Последнее высказывание свидетельствует о том, что Толстой путал патриотизм с эгоистическим национализмом, который как раз и есть "желание исключительного блага своему народу". Не проводил он четкого различия и между патриотизмом и имперскими притязаниями. Об этом говорит, например, следующее высказывание Толстого: "Если христианство истина и мы хотим жить в мире, то нельзя сочувствовать могуществу своего Отечества, но надо радоваться ослаблению его и содействовать этому... Мы, члены больших государств, не только перестанем желать присоединять к себе новые народности и государства, а будем радоваться, когда покоренные народы будут от нас освобождаться, и будем содействовать этому, и так будем содействовать этому, и так будем воспитывать молодые поколения; русские будут содействовать освобождению Польши, Финляндии, Остзейского края, Армении..." [Толстой, 1928 - 1958, т. 39, с. 31, 38].

Отмечу, что позиция Толстого, как отчетливо видно из последних слов, характеризуется внутренним благородством. Великий русский писатель проявляет заботу о других народах, обеспокоен их судьбой. Вместе с тем он явно путает патриотизм с совершенно не оправданной, по меньшей мере, в современную эпоху, политикой колонизации, и не оправданным никогда, ни в какие эпохи, стремлением поработить другие народы.

Самого Толстого - как человека, а не как теоретика - трудно заподозрить в нелюбви к России. Напротив, можно с достаточной уверенностью утверждать, что все его размышления - как на тему о патриотизме, так и на другие темы продиктованы горячей любовью к народу России, прежде всего к "простому" народу. Они, несомненно, продиктованы чувством сострадания к бедам народным, сочувствием к "униженным и оскорбленным". Широко известно, что Толстой предпринимал колоссальные усилия по просвещению русского народа, по подъему его нравственного, образовательного и культурного уровня. Но сегодня хорошо известно и то, что теоретические построения и концепции Толстого нередко отличались противоречивостью. Особенно характерна для них терминологическая путаница, под которой бывает непросто усмотреть гениальные прозрения, содержащиеся во многих теоретических размышлениях писателя и философа, отличить их от явных заблуждений русского гения. Для подтверждения сказанного приведу еще одну мысль Толстого на тему о патриотизме: "Восстановительный патриотизм покоренных, угнетенных народов - армян, поляков, чехов, ирландцев и т.п. едва ли не самый худший, потому что самый озлобленный и требующий наибольшего насилия". "Мелкие угнетенные народности, реагируя против давящего их патриотизма покорителей, до такой степени заразились от угнетающих их народностей этим отжившим, ставшим ненужным, бессмысленным и вредным чувством патриотизма, что вся их деятельность сосредоточена на нем и что они сами, страдая от патриотизма сильных народов, чтобы совершить его над другими народностями из-за того же патриотизма то самое, покорившие их народности производили и производят над ними" [Толстой, 1928 - 1958, т. 90, с. 244].

В этих высказываниях глубоко подмечены те особенности патриотизма малых и угнетенных народов, которые способствуют перерождению здорового чувства патриотизма в болезненное чувство агрессивного национализма. Факты такого перерождения имеют место и сегодня, в начале XXI в., в том числе и на постсоветском пространстве. Однако агрессивный национализм - это именно переродившийся патриотизм, ставший по основным параметрам противоположностью патриотизма. Наличие тенденций и возможности извращений в понимании патриотизма, конечно, не может быть аргументом для отказа от патриотизма как одной из высших ценностей человеческого бытия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Булгаков СМ. Соч. В 2 т. Т. 2. М., 1993.

Есенин С. Стихотворения и поэмы. М., 1971.

Зеньковский В. В. История русской философии. В 2 т. Т. 1. Л., 1991.

Ильин И. Пророческое призвание Пушкина // Пушкин в русской философской критике. М., 1990.

Малая советская энциклопедия. В 10 т. М., 1929 - 1931.

Менделеев Д. И. К познанию России. СПб., 1907.

Пушкин А. С. Письмо к П. Я. Чаадаеву // Русская идея. М., 1992.

Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 30 т. Л., 1972 - 1990.

Пушкин А. С. Собр. соч. В 10 т. М., 1959 - 1962.

Сборник крылатых слов и выражений. М., 1967.

Соловьев В. С. Соч. В 2 т. Т. 1. М., 1988.

Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. В 90 т. М. -Л., 1928 - 1958.

Франк С. Пушкин как политический мыслитель // Пушкин в русской философской критике. М., 1990.